

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОЕКТ «GLOBALCONTEST» УНИВЕРСИТЕТА ПАРИЖ–13

АНТРОПОЛОГИЯ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

ТЕЗИСЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВТОРОЙ ТОМСКИЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

11–13 октября 2018 г.

Издательство Томского университета
2018

Панель 4: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Г. Н. Алишина
(Томск, Россия)

Практики землеустройства при переселении крестьян в Сибирь в начале XX века

Массовое крестьянское переселение за Урал, происходившее в конце XIX – начале XX в., стало серьезным испытанием и вызовом для властей и населения Азиатской России. Вопреки стереотипу о «бескрайних просторах Сибири» проблема землеустройства довольно быстро приобрела острый характер и привела к возникновению противоречий в среде сибирского населения. Местные жители («старожилы» и «инородцы») и переселенцы часто сталкивались друг с другом в борьбе за земельный ресурс.

Об остроте проблемы землеустройства крестьян-переселенцев в Сибири свидетельствуют методы, к которым прибегали стороны-участники для решения возникающих между ними земельных споров (угрозы, порча имущества, отравы, нападения и пр.). Еще одним свидетельством остроты упомянутой проблемы можно считать уровни власти, до которых порой доходили вопросы крестьянского землеустройства в Сибири (сенат, император).

Разумеется, в законодательстве были установлены нормы и порядок землеустройства переселенцев, однако реальные ситуации и условия, складывавшиеся на местах, зачастую не вписывались в нормативные рамки. Это обстоятельство приводило к тому, что люди, так или иначе участвовавшие или хотя бы связанные с переселением, вырабатывали некие практики (полу-, а то и вовсе нелегальные), чтобы решать возникающие проблемы с землеустройством переселенцев.

В рамках закона переселенцы могли действовать двумя путями. Во-первых, соблюдая все требования, зачислиться на свободные земли, образовав там собственное селение. Во-вторых, переселенцы могли причислиться к старожильческому крестьянскому обществу,

на что последнее должно было, конечно же, сначала согласиться. Однако часть прибывших в Сибирь крестьян были самовольными переселенцами, т.е. для них возможности пойти легальными путями при землеустройстве были ограничены. Такие переселенцы нередко прибегали к самовольным захватам земельных участков и другим нелегальным способам решения вопроса о своем землеустройстве.

Таким образом, опыт землеустройства крестьян-переселенцев в Сибири в начале XX в. наглядно демонстрирует, во-первых, к каким практикам могут прибегать переселенцы при решении вопросов, определяющих успех их обустройства на новом месте, а во-вторых, в каких условиях переселенцы отдают предпочтение тем или иным решениям.

V. Viktorovskaya
(Firenze, Italy)

Siberia and Zion in the imagination of Moshe Novomeysky

In the imagination of Siberian Zionists, who were isolated geographically, and during the Civil War also politically, from the centers of Jewish activity in the Pale, Siberia was comparable to the sacred for them land Zion. On the wave of the White emigration in the 1920s the main Zionist ideologists moved from the region to the British Mandate Palestine and did so while remaining particular attitude to the both lands, their nature, landscape and inhabitants. In that manner Moisei Novomeysky, a mining engineer, entitled his memoirs *From Baikal Lake to the Dead Sea*. My research presents the development of Novomeysky's views on Siberia and his implicit or explicit comparison of it to Palestine, within his emigration from the Russian periphery to the British colony. In separate national historiographies he received attention either as a leader of Siberian Zionists, an agent of British colonial development in Palestine or as a founder of the chemical industry of Israel. In contrast, following transnational perspective and comparing his texts from different periods I can examine how Novomeysky's experience in Mandate Palestine (since 1948 in Israel) transformed his understanding of Siberia regarding colonialism, human-nature relations, and the ethnic landscape. In order to do this my research makes an attempt to situate his views within the ideo-